

© 2001 г.

Ю.Л. КАЧАНОВ

"РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ" КАК СОБЫТИЕ

*КАЧАНОВ Юрий Львович - доктор философских наук, главный научный сотрудник
Института социологии РАН.*

Когда мы говорим о "российской социологии", то имеем в виду нечто, что возникло, сохранилось или развилось в "России" после гибели СССР, гибели, которая, по слову Гераклита, одних объявила богами, других людьми, одних сотворила свободными, других рабами. Однако что же такое "новая Россия"? Мы можем определить ее, лишь противопоставляя СССР.

Социологический анализ какого-либо феномена становится возможен лишь после того, как социология очертит поле "точного" знания о нем. Однако здесь действует знаменитый принцип неопределенности (ср. [1]): чем более точно мы фиксируем одни характеристики явления, тем менее точно - другие; исчерпывающее всестороннее описание невозможно. Далее, после работ У. Куайна все знают, что невозможен независимый от теории язык описания. Тем не менее, в силу своего стремления к точности и объективности, "объективное" социологическое знание неявным образом пытается спрятать свои концептуальные основы в очевидности предьявляемого социологического факта, которому имплицитно приписывается "теоретическая нейтральность".

Нас, однако, интересует не столько "факт" "новая Россия", сколько возможность соотнести его с другим "фактом" - "российской социологией". И не просто соотнести, а понять, каким образом конструирование этих фактов было заранее обусловлено. Ибо с того момента как действительность отождествляется с событием "Россия", открываются новые различия, делающие возможной "российскую социологию". В то же самое время "СССР" и "советская социология" упраздняются, поскольку событие "Россия" демонстрирует мнимость их действительности. Устойчивая концептуализация "России" как события возможна лишь в том случае, если оно отождествляется с действительностью, а не с фикцией - продуктом "политических технологий". Для формирования события "Россия" надо его исключить из концептуальной рамки "действительных истин", таких как "демократия", "рынок", "реформы", поскольку все они проводники политического, экономического и культурного господства. Только декларация события "Россия", без метафизических аргументов, социально-философских построений, политических доказательств и "исторических" свидетельств СМИ способна сделать ее событием, соразмерным социальной науке, т.е. изъятым из всех и всяческих фигур господства. На место извечного партикуляризма политически и метафизически нагруженного факта идет универсальная неоспоримость события "Россия", открытая истине.

Российская социология до сих пор внятно не заявила, что имевшее место событие в 1991-1993 г. - было. Она не выработала никаких символических инструментов, позволяющих агентам делать то, что требует современная ситуация, что позволяют открываемые ею возможности. Спор о причинах и следствиях погружения в пучину небытия Атлантиды СССР не есть спор историков и журналистов на правах очевидцев. Сам

распад СССР не представляет собой что-то само по себе верифицируемое, фальсифицируемое или доказуемое. Началом новой эпохи для социологии является определенное соотношение возможного и невозможного. Ибо юридический акт денонсации Союзного Договора не представляет для социологии интереса сам по себе. Его социологический смысл раскрывается в том, что он делает возможным возникновение новых позиций и их политическое, экономическое, культурное господство над другими. И это господство надо рассматривать не как фактичность, а как практическую схему, связанную с господством или подчинением; следует идти от частного к общему и обратно. Вопреки "факту", навязываемому политической публицистикой научному производству, события "Россия" и "российская социология" соизмеримы лишь с универсальным множеством социальных практик и представлений, возможность которых эти события "открывают". Именно в этом смысле "российская социология" - фрагмент социальной действительности, а не один из неизбежно частных научных конструкторов. Кто может декларировать событие "Россия"? Только тот, кто является его "произведением", его "сыном". Кто может свидетельствовать о событии "российская социология"? Лишь тот, кто стал возможен в настоящем своем качестве благодаря этому событию. Социолог, декларирующий возможность невиданных ранее социологических практик в качестве события "российской социологии", в сущности ничего не познает. Точнее говоря, он познает по декларируемому событию (возникла "российская социология") и его следствиям, ибо событие возникает без доказательств. Событие "российская социология" - не посредник, через которого мы познаем самое социологию. "Российская социология" - чистое событие, и в качестве такового не является функцией познания. Хотя для многих социологов их наука является не тем, что есть на самом деле, а негативным моментом, за которым должно последовать более существенное иное: социальное управление, политические технологии или маркетинг. На самом же деле, "российская социология" есть событие, упраздняющее прежний режим научного дискурса, открывающий некие возможности и прекращающий другие. В силу реального характера "российской социологии" отсутствуют рациональные доказательства ее превосходства над "советской" или какой-либо иной. Именно отсутствие доказательств побуждает социологов выдавать за них свои практические схемы. Но именно эти практические схемы и конституируют "российскую социологию". Они мобилизуют агентов научного производства на осуществление социологических практик, в том числе и новаторских, непосредственно связанных с появившимися новыми возможностями.

"Российская социология" конституируется лишь трудом ее конструирования. Декларация существования "российской социологии" не имеет другой силы, сверх той, которую она декларирует. Социологические практики, производимые "российской социологией", обосновывают ее сингулярность как события, а не наоборот. Сама по себе сингулярность ("российская", "башкирская", "питерская", "нигерийская") события не имеет никакой значимости. Дискурс о событии "российской социологии" не предполагает доказательств, поскольку это дискурс голого события, дискурс социальных практик, не имеющих иного значения, кроме своего практического содержания.

При условии события "российской социологии" мы выбираем между сущим и не-сущим. Дискурс события "российской социологии" находится в особом отношении со своим предметом. Речь идет о фигуре реальности социологии: она конституируется не тождеством, но системой различий. Это означает: ничто в социологии не может быть понято само по себе, из себя, вне опосредствований другими сущими (практиками, социальной предметностью, практическими схемами...), вне ансамбля социальных отношений социологического производства. Социология, постигаемая как система дифференциальных отношений, дисквалифицирует то, что другие концепции идентифицируют в качестве самотождественного предмета. Так, в концепции А.Ф. Филиппова социология предстает как конечная социальная тотальность институционализированной социологической коммуникации, толкуемой как вместилище самосознания общества [2]. Любое явление социологии связывается здесь либо с институциона-

лизированной социологической коммуникацией, либо с местом в физическом (а на самом деле - социально-политическом) пространстве, обладающем определенной при- нуждающей силой по отношению к социологической коммуникации. "Российская социология" как событие упраздняет социальную тотальность, различая тождество институции - практики. Действительность "российской социологии" явлена там, где она различается с "социальным государством", "мировым порядком", трансцендентальным мышлением общества о самом себе.

Событие "российская социология", помимо всего, есть начало нового субъективного пути российского социологического производства. "Центр циклона" социологических практик перемещается в себя самого: социологическое производство теряет непосредственную связь с политическим производством (упраздняется "советскость" социологии) и *in potentia* приобретает самостоятельность от Запада. Событие "российская социология" есть некая абстрактная переменная x без предикатов, конкретное значение которой еще предстоит определить, определить совокупными социологическими практиками в рамках социальных отношений научного производства. Российское социологическое сообщество становится сообществом с предназначением: создать оригинальную национальную социологию. Именно становится: структурирование научного сообщества выступает не ставшим, не сложившимся состоянием, но становлением. Наследие дореволюционной российской религиозной философии и протосоциологии, равно как традиции советского прошлого не могут обосновать события "российская социология", существенно детерминировать его, ибо слишком велик социальный и временной разрыв. Лекции о наследии Острогорского или Кареева принадлежат музею истории социологии, а посему бесплодны. Да, "у нас была великая эпоха", и советская социология была ее детищем со всеми вытекающими отсюда следствиями. Но время советской социологии с ее "большим стилем", т.е. новаторской методикой, изощренной обработкой данных, выверенным экспериментом и тому подобным, безвозвратно прошло, и никому не по силам восстановить ее формы и размах.

"Российская социология" не есть принадлежность избранничества "единственно верного" Научного Метода или "симфонии" с "социальным государством". Реальность "российской социологии" не привязана к институционализированной научной коммуникации, якобы вбирающей в себя все реальное и конституирующее исключительность социологии как источника "самоописаний общества". Социология как явление превосходит всякую институцию и всякий образец научной коммуникации. Институциональное или политическое различие не может служить парадигмой конституирующего социологию различия.

Событийный разрыв 1991-1993 г. конституирует "российскую социологию" в форме различия историческая истина российской социологии/становление. Именно так: не генеалогия дисциплины, но становление. "Не" есть указание на распад закрытой генеалогии сущего 1895-1923 г. и 1968-1990 г., а "но" представляет собой цель практик актуального социологического сообщества, открытого событием "российская социология". "Российская социология" есть еще и практическая схема, субъективная диспозиция, способность захватывать российского социолога с тем, чтобы посвятить себя значимому для профессионального сообщества делу становления российской социологии.

Когда мы говорим, что социологическое суждение истинно, то подразумеваем, что оно согласуется со своим предметом. Это согласование может быть понято в двух различных смыслах: с одной стороны, научное суждение может соответствовать социальному явлению, выступающему предметом социологического исследования, а с другой - социальное явление может приводиться в соответствии с социологическим суждением. Итак, либо социологическое познание уподобляется феномену социального мира, либо, напротив, явление уподобляется продукту научного производства, каковым является социологическое суждение. Каким образом возможна подгонка социальных явлений под социологические концепции? Простым и фундаментальным: политическим. "Планирование", "управление", "прогнозирование" суть ни что иное, как "социо-

логическая инженерия", пытающаяся переделать общество, исходя из своих представлений. Для того чтобы социолог мог объяснить социальный мир, ему необходима власть, с помощью которой он может трансформировать общество по более или менее научным схемам. Факты, как известно, - упрямая вещь, однако новейшая российская история показывает: неolibеральные реформаторы тоже не лыком шиты.

Это как бы лежащий на поверхности, всем очевидный аспект проблемы. Есть еще и другой, характерный именно для социальной эпистемологии. Социологическое суждение может быть истинным лишь на основе истины социального явления. Точнее говоря, чтобы социологическое суждение вообще могло быть истинным, социолог обязан сконструировать понятие о социальном явлении, которое должно совпадать с этим социальным явлением. Научная истина есть отождествление социального явления с познанием. Или: научная истина есть отождествление социологического познания с социальным явлением.

Это вовсе не означает логической ошибки. Речь не идет об иллюзии непосредственного совпадения предмета социологического суждения и самого суждения или простого перехода одного в другое. Напротив, социология постоянно подчеркивает свои различия с предметом исследования. Просто научная истина есть тождество истины социологического суждения и истины социального явления. Например, коль скоро мы говорим о "ложных экономических реформах", то, стало быть, есть и истинные. Истинная социальная стратификация, в отличие от ложной, является тем, что она есть "на самом деле". Что же такое "истина социального явления"? Точнее, что мы считаем его истиной?

Рассмотрим это на примере государства. Государство существует, во-первых, как "реальность первого порядка" или ансамбль объективных социальных структур и, во-вторых, как "реальность второго порядка" или совокупность практических схем. Если бы государство как "реальность первого порядка" не оформлялось *легитимными* практическими схемами, составляющими "реальность второго порядка", то оно не отличалось бы от шайки разбойников, поскольку нелегитимное насилие есть верный признак отсутствия власти. Однако государство всегда легитимно не абсолютно, а лишь относительно: относительно практических схем агентов. Случайность и спонтанность каждой исторически конкретной реализации государственного насилия рационально невыразима. Легитимные практические схемы лишь представляют ее так, что реальность государственного насилия воспринимается и оценивается агентами как нечто естественное, закономерное и разумное. Оптимальным способом сохранения политического господства выступает его воспроизводство с согласия агентов, занимающих подчиненное положение, т.е. реконверсия силовых отношений в символические отношения доминирования, преобразование физического насилия в символическое. Такая реконверсия воспринимается не только журналистами, но и некоторыми социологами как нечто само собою разумеющееся и порождает суждения, утверждающие вторичность объективных структур по отношению к субъективным. Социальная иллюзия легитимности покоится, в конечном счете, на физическом насилии, приобретаемом, благодаря интериоризации социальных отношений, форму символического насилия.

Легитимные практические схемы, с одной стороны, легитимируют государство, а с другой - легитимируются им самим. Если первая часть этого бинорма вытекает из самого определения легитимных практических схем, то вторая выражает государственную политику в области воспитания и образования, СМИ и литературы, кино и рекламы и т.д.: поддержка государством тех или иных практических схем гарантирует, что агенты их примут. Легитимные практические схемы - условия и предпосылки возможных практик, посредством которых существует государство, и которые маскируют его становление и развитие в результате ряда произвольных актов социального конституирования. Данные схемы не столько отражают и выражают действительность государства, сколько цензурируют и канализируют восприятие и мышление агентов, стимулируют одни и подавляют другие представления о государстве.

Поскольку легитимные практические схемы представляют собой интериоризированные объективные структуры государства, они "автоматически" подогнаны к нему и предстают его агенту как нечто само собой разумеющееся. Легитимные практические схемы не дают агенту воспринимать и мыслить, понимать и выражать то, чего он не может воспринимать и мыслить, понимать и выражать. Они лишают агента способности рефлексивно и по-настоящему критично относиться к государству, обратить свой мысленный взор к пространству возможных социальных различий, овладеть законами эффективности собственных политических практик.

Здесь принципиально важным является то, что субъективные структуры суть интериоризированные объективные структуры. Будучи производными от социальных отношений, составляющих государство, легитимные категории перцепции государства заведомо согласуются с ними. Поэтому легитимные практические схемы государства воплощают представления агентов об истине государства. Таким образом, истина социального явления "государство" суть легитимные практические схемы, им самим произведенные.

Российская социология, коль скоро она не объективировала легитимные практические схемы, не противопоставила им свои *научные практические схемы*, отнюдь не стремится сообщать о государстве нечто совершенно новое, чего бы агенты уже не знали из политических документов и сообщений СМИ. Она пытается обнаружить то, что уже было "известно", но еще не было отчетливо "объяснено". Мы имеем в виду само собой разумеющееся, ясное из самого себя, но, тем не менее, "кем-то кое-где у нас порой" неправильно понимаемое. Иными словами, большая часть социологических работ представляет собой работу по легитимации уже и без того легитимных практических схем, произведенных государством. Просто социальная наука посредством "рациональной рефлексии" делает "абсолютным знанием" непосредственность легитимных практических схем.

Какова "диалектика" понятийно выраженного социологического знания и практических схем, проявляющихся в классификациях и иерархизациях, видениях и делениях социального мира, которые зафиксированы в дискурсе государства и СМИ, а также практиках агентов? Практическая схема содержится в исполнении практики. Практика может быть любая: живая речь или опредмеченная в тексте коммуникация, политическое действие и т.д. Легитимная практическая схема не только содержится в реализации легитимной практики, но полагается социологами как условие ее возможности. Утверждается непосредственность и неопровержимость легитимной практической схемы, ибо считается, что она всегда предпослана свершающимся практикам. Так, либеральным практикам предпосланы либеральные практические схемы. Поэтому тематические социологические высказывания либерального толка о государстве не могут противоречить нетематическим практическим схемам либерального правительства. В противном случае они будут противоречить самим себе. Здесь возникает противоречие в осуществлении практик, когда суждение опровергается условиями дискурсивного акта.

* * *

Социологические факты "Россия" и "российская социология" раскрываются из донаучной событийной конституции ансамбля социальных отношений. Что же связывает воедино социологический факт "Россия" и социологический факт "российская социология"? В первую очередь, легитимные практические схемы, производные от объективных структур Российского государства и интериоризированные социологами. Легитимная практическая схема осуществляет тематизирующее предмет ("Россию" или "российскую социологию") набрасывающе-истолковывающее понимание, необходимое для дальнейшего событийно-исторического определения (ср. [3]). И поскольку Российское государство остается крупнейшим производителем легитимных практических схем в России, постольку социологический факт "российская социология" изоморфен социологическому факту "Россия". Таким образом, между Россией и ее социологией возникает загадочная близость. Загадочная в том смысле, что она никем критически не отрефлектирована.

Проблема здесь кроется в том, что наша социология поражена наивностью в том, что касается конструирования понятий. Наивность в данном случае есть предположение, что явление "самораскрывается" навстречу социологу, представляя перед исследованием в своем существенном виде, и по сему не нужен разрыв с предпонятиями и прочими доксихическими образованиями. Не всегда и социологическая рефлексия выполняет свою объективирующую функцию, т.е. не превращает в предмет познания свой интенциональный предмет. Это случается, поскольку социологическая рефлексия не всегда должным образом концептуально вооружена. Наконец, мешает наивность понятия, проявляющаяся в том, что мы зачастую мыслим познание как концептуальную переработку научного опыта, как будто существует некое неупорядоченное эмпирическое содержание, нуждающееся в концептуализации, во включении в "схему".

Подводя итог этим размышлениям, уместно, мне кажется, напомнить, что толкование "российской социологии" как события приоткрывает перед российским социологическим сообществом новый горизонт возможностей, подготавливает практическую схему, направляющую на становление *иного*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Витгенштейн Л.* О достоверности // *Витгенштейн Л.* Философские работы: Ч. I. / Пер. с нем. М.С. Кочловой и Ю.А. Асеева; Сост., вступ. ст., примеч. М.С. Козловой. М.: Гнозис, 1994. С. 362.
2. *Филиппов А.Ф.* Теоретическая социология // Теория общества. Фундаментальные проблемы. Сборник / Пер. с нем., англ. / Вступ. статья, сост. и общ. ред. А.Ф. Филиппова. М.: "КАНОН-Пресс-Ц" "Кучково поле". 1999. С. 7-34.
3. *Heidegger M.* Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis) // *Heidegger M.* Gesamtausgabe / Hrsg. F.-W. von Herrmann. Bd. 65. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann Verlag, 1989. S. 320 f.